

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

Н.М. ТУКЕШЕВА*

Парадигма власти в тюркском обществе (VI–XI вв.)

Политико-правовая система в древнетюркском обществе была представлена нормами *төрү*, которые включали понятие обычая, власти, закона. Термин *төрү* передает триаду «обычай–власть–закон», где доминирует «обычай». Обычай в понимании тюркского народа — это архаичные законы предков, нарушение которых ведет к распаду кочевой общины, рода, племенной структуры. Автор приходит к заключению, что политическая власть и представление о государственности стали неотъемлемой частью системы норм *törü/möry*, которая выполняла регулятивную функцию в жизнедеятельности тюркского социума, и видит в этом закономерный процесс правового оформления политической власти, стремившегося легитимировать свой статус в кочевом обществе через традиционную систему ценностей и норм.

Ключевые слова: тюркские каганы, власть, политико-правовая система, нормы *törü (möry)*, закон, политические институты, государственность.

DOI: 10.25882/1vjg-2328

В работах С.Г. Кляшторного впервые делается попытка обратить внимание на особую роль тюркских каганов в обществе. По мнению ученого, основу власти тюркских каганов составляло триединое понятие «народ–государство–закон» [Кляшторный, Султанов, 1992; 2004]. В данной статье предпринимается попытка раскрыть сущность данной парадигмы.

* Назгуль Мукатаевна ТУКЕШЕВА — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и археологии Западно-Казахстанской области (Уральск, Казахстан); nztuk@mail.ru

Народ в древнетюркском обществе обозначался понятиями *bodun*, *el*. Необходимо уточнить, что под *bodun* подразумевают социум, т.е. общество в целом. Что касается категории *el*, то этим понятием обозначалась родо-племенная структура. По мнению С.Г. Кляшторного, скорее всего, подразумевалось общество в целом. Более того, здесь заложена идея, что без *el* невозможно создать государство и государственную власть — *il төрүг*. Известный исследователь С. Аманжолов отметил, что под термином *төрүг* необходимо понимать именно государственную власть [Орхонские надписи, 2001: 131, 133]. В источниках словосочетанием *il төрүг* обозначается государственная или высшая политическая власть.

Третий элемент парадигмы власти — закон в древнетюркском обществе был представлен нормами *törü*, которые включали понятие обычая, традиции. В исторической литературе определение *törü* как обычного права кочевых тюркских народов является распространенным. Так, С.Г. Агаджанов на основе тюркских дидактических сочинений XI в. «Кутатгу билиг» Юсуфа Баласагуни и «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари определяет *törü* как обычное право. Он приходит к выводу, что на нем основаны распоряжения бека, хана, нормы поведения в обществе и частной жизни [Агаджанов, 1991: 264]. По мнению В.В. Трепавлова, *törü* является сводом норм обычного права, регламентирующим отношения внутри и вне социума, «сферой компетенции монарха» [Трепавлов, 1993: 39–41]. Как утверждает Ш.М. Мустафаев, в поэме «Кутатгу билиг» гарантом справедливости в обществе является безусловное и беспристрастное применение норм *törü* [Айдаров, 1971: 12, 18–19].

Следовательно, происхождение данной категории имеет непосредственную связь с народом. Обратим внимание на данные текстов источников: *төрүң* — «твой закон, твой обычай» (КТб, 22), *төрүмиз* — «наши законы, обычаи» (КТб, 22), *түрк төрүсүн* — «тюркские установления», *апам төрүсүнчә* — «установления моих предков» [Айдаров, 1993: 103, 158]. Эти термины наглядно демонстрируют, что в понимании тюркского народа *төрү* были архаичными законами предков, согласно которым жили тюрки. Возможно, их нарушение вело в сознании древних тюрков к определенной социальной дисгармонии, за которой следовал распад кочевой общины, родо-племенной структуры. Нормы *törü* регулировали практически все сферы жизнедеятельности тюркского общества: социальную, морально-этическую, военную, правовую. В частности, *törü* регулировали отношения между родами и племенами вплоть до распределения пищи на пиру [Фа-

заллах Рашид ад дин, 1991: 67]. Кун-хан (правил после Огуз-кагана) соблюдал *törü* следующим образом: «...чтоб достоинство, путь, имя и прозвание каждого в отдельности были определены и утверждены и каждому (дан) какой-нибудь знак и тамга... во избежание от кого бы то ни было ссоры и сопротивления одного к другим; дети и последующие потомки их да ведают каждый свое имя, прозвание и свой путь, чтоб было это причиной прочности государства и вечного существования доброго имени их» (из «Истории монголов» в переводе Н. Березина; цит. по [Бернштам, 1951: 65]). Из источника следует, что законы правителя были направлены на регулирование общественных отношений с целью избегания конфликтов между кочевыми общинами. Правитель определяет название родов, маршруты кочевий, родовую собственность, тем самым устанавливая порядок в кочевом обществе.

Вместе с тем в древнетюркских текстах можно отметить и другое значение слова «закон», переданное той же категорией *törü/möry*, когда она означает не обычай, а государственный закон. К примеру: «*möryz* — закон(ы), *mörysün* (*törsün*) — законы (для) тюркского народа, *mörynin* — твои законы, *mörüsü* — законы государства (КТб, 22), *mörysünche* — по закону (КТб, 13), *mörüjin* — по законам» [Айдаров, 1993: 103, 158]. Возникает правомерный вопрос: древние тюрки не разграничивали обычное право и государственные законы или же использовали одну и ту же категорию для обозначения двух понятий? С нашей точки зрения, традиционность номадного государства не могла не повлиять и на ее правовую систему и, соответственно, политическую систему государственного управления. Оформление *il möryz* — власти кагана — должно было быть основано на *törü*, т.е. на непререкаемых общепринятых нормах кочевого общества. Основываясь на обычаях традиционного кочевого общества, высшая каганская власть создает законы для организации *il*, т.е. государства. Соблюдать законы *törü* необходимо в рамках *äl*: «Пусть будут установлены государство [и] законы (*äl törü*)» [Стеблева, 1971: 249]. Законы, созданные каганом на основе *törü*, приобретают статус государственных законов *äl törü*. Более того верховная власть берет на себя функцию хранителей норм *törü*, которую выполняли традиционные лидеры в лице старейшин родов или беков (биев) как знатоки обычного права. «...народ, упразднивший свои тюркские установления, он /каган-отец/ создал /вновь/ и обучил законам предков — Түрік төрүсін ычғынмыс будунығ ечүм апам төрүсінче йаратмыс бошғұрмыс (КТб, 13)» [Айдаров, 1993: 213]; «Когда их (воинов. — Н.Т.) стало семьсот, то [мой

отец] привел в порядок по установлениям моего предка (*mürk mörjü-sün*) народ, державший себя так, как бы он сам по себе составлял (отдельные) племенные союзы и считал сам себя ханом...» [Орхонские надписи, 2001: 38].

Так, каган и его правящий род становятся политическим и правовым центром тюркского общества. Они сами олицетворяются с *törü* — высшим законом, верховной властью, верхней ступенью социальной структуры.

Словосочетания *el törü* или *il төрүг* передают значения «власть над страной и народом» или «быть на самом верху страны и общества». Термин *төрүг* необходимо понимать как государственную власть в лице кагана. Каган объединил законом *törü* племена в одно политическое объединение, называемое в тюркском обществе словом *äl*. Сам каган становится при создании *äl* носителем верховной власти *төрүг*: «Мой отец — каган, приобретаю таким образом государство и власть, отлетел /умер/ — Қаным каған анча іліг төрүг қазғанып (КТб, 15)» [Айдаров, 1993: 214]. В данном тексте словосочетание *іліг төрүг* указывает на природу происхождения власти, которая является народной по характеру или в буквальном смысле означает «власть над народом». Действительно, создание государства невозможно без народа и народных установлений. Иначе говоря, верховная государственная власть, вобравшая в себя традиционную, военную и политическую власть, воплощает в себе Высший Закон — *törü*.

В памятнике Кюль-тегину используется выражение «Будуның ілін төрусін тута бірміс — Они установили законы для тюркского народа (КТб, 1)» [Айдаров, 1993: 61]. В данном тексте выражение *тута бірміс* подразумевает незыблемость традиций, обычного права кочевого тюркского социума в условиях создания государства, формирования государственной власти. В значении «власть» термин преобразуется в *төрүг* [Айдаров, 1993: 25]. В памятнике хану Могилянну встречается выражение *ақыр төрүг* — «крепкая власть» или «могущественная власть» [Орхонские надписи, 2001: 35, 98, 102]. Отсюда следует, что в древнетюркском обществе организацией *il төрүг* занимались каганы как политические лидеры, на что указывает производная форма — *төрүде*, т.е. быть центром, стоять над народом, обладать верховной властью. Необходимо отметить, что Г.Е. Айдаров предложил перевести этот термин как «царство» (т.е. трон): «/А/ на царство сел каганом мой дядя — Ол *төрүде* үзе ечим каған олурты (КТб, 16)» [Айдаров, 1993: 214]. Иначе говоря, дядя стал каганом, став во главе (на самомверху) общественной и политической структуры тюркско-

го общества. Форма *tör törädä* — «на самом верху» встречается и в надписях Хакасии [Кормушин, 1997: 287]. На обладание верховной властью может указывать термин *möpülyk*, который, по сути, является производным от *törü*. В переводе А.М. Щербака *möpülyk* имеет значения «власть, управление, обладание властью» [Щербак, 1959: 86]. При этом он ссылается на словарь В.В. Радлова, где древнетюркское слово *möpü* переведено как «власть князя, правительственная власть» [Радлов, 1905: 79]. Суффикс *lyk* здесь указывает на обладание *törü*. Им становится каган, имеющий статус верховного правителя и обладающий верховной властью. Необходимо учесть, что корень *tör* имеет самостоятельную смысловую нагрузку — «ценность, значение, почетное место» [Радлов, 1890: 14]. Следовательно, *törü* означает высшую ценность. Принимая во внимание приведенные аргументы, необходимо заключить, что термин *törü* свидетельствует о статусе обычного права в системе регулятивных общественных норм и узаконивает статус кагана как лидера в традиционной родо-племенной и политической структуре тюркского общества.

Из указанных значений понятия *törü* в источниках значение «закон» отмечается в случаях непосредственной связи с каганской властью и созданием государственного порядка: «Так они царствовали... Устанавливая порядок среди голубых тюрков, не имевших до того господина, ни организации по стрелам. Они были мудрые каганы... устанавливали законы (*meryg imic*)» [Айдаров, 1993: 12]. В данном тексте выражение *meryg imic* указывает на кагана как на создателя государственных законов. В приведенном выше выражении «Будунын ілің төрусін тута бірміс» [Айдаров, 1993: 61] законы, исходящие от государственной власти, преподносятся как основанные на *törü*. На наш взгляд, так через традиционную систему общественных норм проводилась легитимация власти политического лидера. Необходимость политико-правового оформления политической власти требовало внедрения ее в традиционную систему ценностей тюркского общества. В древнетюркских надписях указывается, что только государство способно сохранить народ в единстве: «(7) Мой весь народ, будь тверд. Законы (*möpücy*) государства не разрушай (не отсылай)» [Малов, 1952: 26]. Или: «(7) Мой народ, будь тверд, не отступайся от законов государства (*el törüsü!*)» [Кормушин, 1997: 237]. Как видно из текста, власть, основанная на обычаях, способна созидать общественный порядок только при условии поддержки со стороны тюркского народа.

Исследователи древнетюркских надписей переводят *törü* и как «установления». Если закон относят к сфере деятельности государст-

венной власти, то установления называются тюркскими или законами предков. Установления каганы поддерживают, в соответствии с ними устраивают, приводят в порядок государство и народ. Обратим внимание на данные источников: «Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа (*türk buduñı ilin tuta birmic*) [Орхонские надписи, 2001: 10, 74, 83]; «Держа государство, они осуществляли /его/ установления... (КТБ, 3)» [Айдаров, 1993: 209]. Из приведенных источников становится ясным, что закон тюркского кагана состоит из собственно обычного права — установлений предков и собственно изданных правителем законов, связанных непосредственно с государственным управлением. Это прямое указание на существование правовых актов государственного уровня.

Универсальность *törü* дала возможность обосновать необходимость таких политических институтов, как каганство и каганат. *Törü* (закон) служило обоснованием и организационно-правовой основой для *mörüg/mörug* — политической власти. Часто используемое выражение «он (каган) поддерживал племенной союз и укреплял власть (*älig tutun mörüg ämiiu*)» подразумевало роль *törü* в государственном устройстве. Несомненно, *törü* служило для правового оформления власти кагана и в целом закрепляло властные отношения в тюркском социуме.

Целый ряд словосочетаний подтверждают единство понятий «обычай–закон–власть (государство)»: *mörü öñdi urul* — «устанавливаться»; *mörü gıl* — «поступать справедливо, проявлять справедливость»; *törü ur* — «устанавливать законы»; *el törü* — «власть (букв.: племенная организация и законы)»; *törüliüg* определяет «сведущего в законах, знающего порядок, справедливого»; *törüliüg toquluy* — «справедливый, соблюдающий закон»; глагольная форма *törüüt/törät* — «создавать, творить» [ДТС, 1969: 17, 169, 580–582]. В другой транскрипции в аналогичном значении *toyrı* — «правдивый, справедливый, верный», *toyrulux* — «правосудие, правдивость, правда, справедливость» [Абдуллин, 1983: 18, 42].

Итак, термин *törü* — это обычай, закон, обязательный для всех; это и суд, судебное решение, принятое на основе норм обычного права; это и титул, определяющий верховную власть; это и рождение, определяющее начало жизни [Радлов, 1905: 6, 79, 1249–1251].

Если система морально-этических ценностей кочевого тюркского общества обеспечивала сохранность традиционных социальных отношений кочевников, генетически связанных с адаптацией людей к

жизни в условиях степи и со скотоводческим в своих основах натуральным хозяйством, то *töprü* выполняло регулятивную и контролирующую функцию не только в качестве норм нравственности, но и определяло общественно-политические связи. На наш взгляд, *töprü* сложилось в процессе социальной самоорганизации, на основе длительного опыта выживания кочевников и стало исторически сложившимся ценностно-нормативным комплексом, направленным на сохранение целостности общественного устройства древнетюркского общества, традиционного образа жизни и порядка управления. Восприятие государства как части этого порядка формируется в конкретно-исторических условиях оформления политической системы как каганская власть и каганат.

Таким образом, решающая роль *törü* в системе нравственных и правовых воззрений тюркского общества несомненна. Политическая власть в процессе оформления государственной структуры в форме кочевой державы не могла игнорировать традиционную систему, стремясь гармонично стать ее основным элементом, претендующим на такой же высокий статус. Так, власть кагана и каганат стали неотъемлемой частью системы норм *törü* и, более того, стали с ней отождествляться. Государственная власть приобрела в тюркском обществе высокий политический и общественный статус. В этом мы видим закономерный процесс правового оформления политической власти, стремившегося легитимировать свой статус в кочевом обществе через традиционную систему ценностей и норм.

Создание государства и обладание *төргүг* были одновременно протекающими процессами. Поэтому необходимо понимать под термином *төргүг* верховную политическую власть. Каган объединял посредством *törü* племена в одно политическое объединение *äl*, передаваемое в текстах источников выражением *ilig тутун төргүг имик* (КТб, 3) [Орхонские надписи, 2001: 75]. Создание *äl* невозможно без *el* — народа, *törü* — народных установлений и *төргүг/төргүг* — верховной власти.

Несомненно, *törü* послужило правовым оформлением власти кагана и в целом закрепляло властные отношения в тюркском социуме. Верховный правитель становился первым ревностным исполнителем норм *törü* и на его основе обязан был установить высший закон, высшую справедливость.

Таким образом, парадигму власти в древнетюркском обществе составляло триединое понятие «народ–государство–закон», что в текстах источников передавалось категориями *el — il төргүг — törü*.

Оформление политической власти как института каганской власти и такой государственной формы, как каганат, происходило с учетом традиционной системы политико-правовых и нравственных норм *törü/möry*.

Литература

- Абдуллин, 1983 — *Абдуллин И.А.* Социально-политическая терминология языка армяно-кыпчакских памятников (тюркский пласт) // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1983. С. 43–49.
- Агаджанов, 1991 — *Агаджанов С.Г.* Государство сельджукидов и Средняя Азия в X–XII вв. М.: Наука, 1991. 308 с.
- Айдаров, 1971 — *Айдаров Г.Е.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата: Наука, 1971. 379 с.
- Айдаров, 1993 — *Айдаров Г.* Язык памятника Кюль-тегину VIII в. Алматы: Гылым, 1993. 280 с.
- Бернштам, 1951 — *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Ч. 1. Л.: ЛГУ, 1951. 256 с.
- Древнетюркский словарь, 1969 — *Древнетюркский словарь*. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Кляшторный, Султанов, 1992 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 374 с.
- Кляшторный, Султанов, 2004 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. 2-е изд. СПб.: Наука; Петербургское Востоковедение, 2004. 362 с.
- Кормушин, 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 302 с.
- КТБ — Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи имп. б-ки в Вене / Изд. В.В. Радловым. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. 200 с.
- Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
- Орхонские надписи, 2001 — *Орхонские надписи*. Кюль-тегин. Бильге-каган. Тоньюкук. Семей: МКА, 2001. 256 с.
- Радлов, 1905 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. 98 с.
- Стеблева, 1971 — *Стеблева И.В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М.: Наука, 1971. 300 с.
- Терновая, 1998 — *Терновая Г.А.* Образы искусства как источник по мировоззрению городского населения Южного Казахстана и Семиречья VI–XII вв. (по материалам археологии). Дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 309 с.
- Трепавлов, 1993 — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Вост. лит., 1993. 168 с.
- Фазаллах Рашид ад дин, 1987 — *Фазаллах Рашид ад дин*. Огуз-наме / Пер. с перс., предисл., наимен., примеч., указ. Р.М. Шукюровой. Баку: Элм, 1987. 128 с.
- Щербак, 1959 — *Щербак А.М.* Огуз-наме. Мухаббат наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М.: Вост. лит., 1959. 172 с.